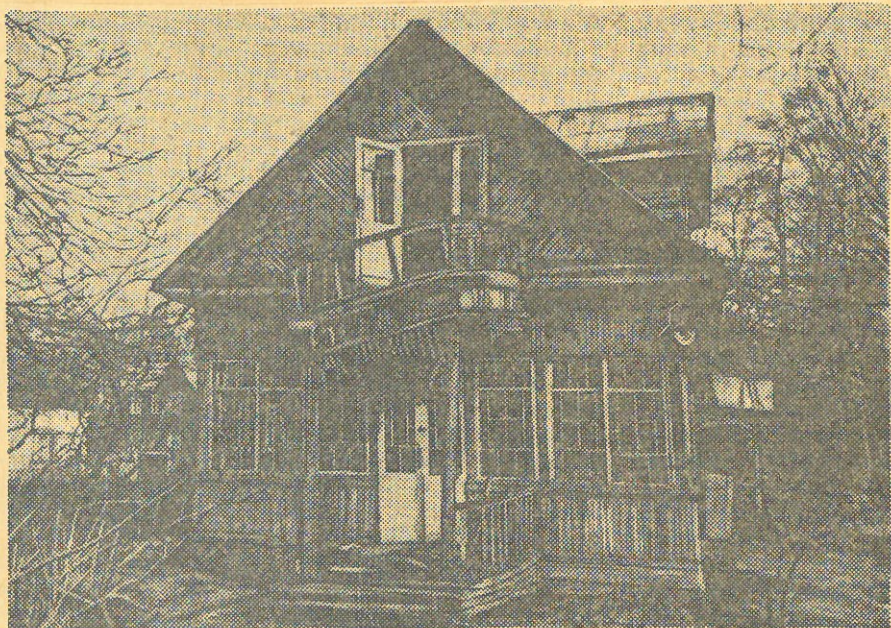

О СЕСТРОРЕЦКЕ, О ЗОЩЕНКО И ВООБЩЕ

Сестрорецк — чудесный город — расположен на берегу Финского залива, омывается его волнами, пронизан его ветрами. Как естественный космический

спутник отдален от своей планеты, так Сестрорецк отброшен от мегаполиса к северо-западу. С Приморского шоссе Сестрорецк всегда предстает неожиданно.

Так выглядит дом Зощенко

Всякому городу естественно иметь свою биографию. И чем она обширней, чем глубже уходит корнями в историю своей страны, тем город интересней. Достопримечательности и музеи — необходимейшие атрибуты любого города. А если их нет, если нет биографии, то это не город, а обыкновенное поселение: рабочий поселок, мещанский поселок, что хотите, но только не город.

Многие ли знают, например, что Блок не единожды совершал пешие прогулки из Белоострова в Сестрорецк? Да, да, Александр Александрович Блок, великий поэт, с тростью, в запыленном костюме под палящим солнцем, под дождем из Белоострова в Сестрорецк! И это запечатлено в его дневниках. Как драгоценно сознавать это. И такой эпизод не входит ли в золотой фонд культуры и истории Сестрорецка? В его биографию?

Но сейчас речь не о Блоке. Как Тихвин связан с Римским-Корсаковым, Гатчина — с именем Куприна, а Комарово — с Ахматовой, так Сестрорецк неотделим от имени Зощенко.

Как-то я специально приехал в этот город, чтобы поклониться могиле Зощенко. Был пасмурный летний день, непрерывно моросил дождь. На кладбище — ни души. Не у кого было даже спросить, в каком направлении начать поиск. Жутко ходить одному среди бесчисленных могил и разветвленных троп. Когда дождь ослабел, в дали кладбищенской аллеи обнаружилась одинокая фигура. Я с великой надеждой ускорил шаги навстречу бесценному привидению и... Едва не напугал бедную женщину в черном платке.

рядом с сараем. Это сад с умирающими яблонями и кустами крыжовника. Это лиственницы по краю сада и аллеи. Это дубы, величественные тополя, старые березы... (Подбор деревьев — свидетельство высокого вкуса!)

Равнодушие — это трава в человеческий рост, это разбитые стекла окон, это заросшая, невидимая, все еще слабо пружинящая под ногой клумба, аккуратно окаймленная врытыми кирпичиками возле обрушившегося столика и полусгнивших скамеек напротив веранды. Это полуобвалившийся балкон. Это — с трех сторон наглухо стиснутый белым кирпичом подсобных строений Пограничного госпи-

Она шла с цветами и, увидев меня, как-то стала сторониться и сбавила ход. Интеллигентно и подробно она рассказала мне о дороге к Зощенко. Бедный Михаил Михалыч! Вот где Вы обрели свободу и покой... Опала, травля, унижения — вместе с плотью — всё погребено здесь. А дух — жив! На могиле скромнейший памятник. И это спустя тридцать лет после смерти! Рядом — жена, сын.

Когда я, посетив дом 14-а по Полевой улице, с застывшей дурацкой улыбкой оскорбленного современника стал медленно ретироваться, на лиственничную аллею с улицы зарулила шумная ребячья стайка и засемила навстречу мне.

— Куда, ребята?

— Грибы собирать, вон, в дом Зощенко... Подберезовики вчера там были.

Полная заброшенность, запустенье, забвенье — такие чувства я уносил с собой.

Обойдя дом и сад (сделать это несложно — забора и калитки нет), признаюсь честно, подберезовиков я не нашел, а вот свинухи в сгнившем крыльце при веранде и опята у березового пня при входе видел. Здесь явственно сочеталось старое доживающее великолепие с чудовищным равнодушием сегодняшнего дня.

Великолепие — это прежде всего дом, огромный и беспечный, с распахнутой створкой оконной рамы, с ржавыми толстыми бочками для слива дождевой воды, с подвешенной как-то наискосок лестницей на торцевой (наиболее гнилой) стороне дома. Это колодец с оторванной крышкой, опутанный сеткой паутины, доступный и для небесной влаги, и для осенней листвы. Это подсобное строение

таля участок дома. Это, наконец, — стыдно сказать! — какое-то странное пепелище с вбитым черным (обгорелым) крестом посередине сразу при входе на участок и изодранными и разметанными листами журналов. Что это? Агрессивность невежества? Тупое злопамятство обывателя? Символ?! Поставили крест на Зощенко?..

Я удалялся от дома, а неестественная улыбка все больше и больше искажала мое лицо. Знаете, когда человека оскорбят и он остается один на один с собой, он на лице своем вдруг обнаруживает улыбку. Вот с такой улыбкой оскорбления, предшествующей ярости, я уходил от дома...